

Е.П. Блаватская

ПРОГРЕСС И КУЛЬТУРА

В сравнении с убогим дикарем --
Что для меня превратности погоды?
По праву я наследник всех времен,
Идут за нами следом все народыС

* * * *

Вперед! Нам светит путеводная звезда,
Для нас мир полон будет перемен всегда.
Сквозь тень к дню новому вершит Земля
свой бег,

Полвека для Европы больше,
чем для Китая век...
-- Теннисон

Мы, принадлежащие к веку, претендующему на то, что он есть XIX век нашей эры, очень гордимся нашим прогрессом и цивилизацией, -- церковь и духовенство приписывают их пришествию христианства: "Если вычеркнуть христианство со страниц человеческой истории", -- говорят они, -- "то чем тогда были бы его законы и его цивилизация?" Увы; "нет ни одного закона, который бы не был обязан своей правдой и мягкостью христианству, ни одной традиции, которая не восходила бы во всех своих священных и целебных свойствах к Евангелиям".

Сколь абсурдный повод для гордости, и как легко это опровергнуть!

Чтобы поставить под сомнение такое утверждение, следует лишь вспомнить, что наши законы основываются на законах Моисея -- жизнь за жизнь и зуб за зуб; воскресить в памяти законы святой инквизиции, то есть, сожжение несметного числа еретиков и ведьм по малейшему поводу; вспомнить мнимое право богатейшего и сильнейшего продавать своих слуг и своих ближних в рабство не для того, чтобы достигнуть проклятия, наложенного на Хама, но чтобы просто "купить предметы азиатской роскоши, поддерживая рынок рабов у сарацинов";* и, наконец, христианские законы, которые по сей день поддерживаются в Англии и провозглашают социальную и политическую недееспособность женщин. Кроме того, как и в блаженные дни наших невежественных предков, мы встречаем сегодня такие отборные примеры самого беззастенчивого хвастовства, как этот: "Мы говорим о нашей цивилизации, наших искусствах, нашей свободе, наших законах, и совершенно забываем, в сколь значительной мере все это обязано христианству" (Роуз).

Совершенно верно! "наши законы и наши искусства", -- но не "наша цивилизация" и не "наша свобода". Никто не мог бы опровергнуть утверждение о том, что они были достигнуты невзирая на ужасное сопротивление церкви в течение долгих веков, и перед лицом ее громких и многократных анафем против цивилизации, свободы и их защитников. И все же, невзирая на факты и на правду, она упорно продолжает настаивать на том, что высокое положение (!) христианской женщины по сравнению с ее "языческой" сестрой -- это целиком и полностью заслуга христианства! Если бы это было так, то это в лучшем случае было бы слабым комплиментом той религии, которая пытается вытеснить и заменить собой все остальные. Однако поскольку это не так, -- Леки, наряду со многими другими серьезными и правдивыми писателями, показывает, что "во всем феодальном законодательстве (христианства) женщины были поставлены во много более низкое юридическое положение, чем в языческой империи", -- то чем охотнее и чаще будет упоминаться этот факт, тем будет лучше для этой очевидной истины. Кроме

того, наши церковные законы, как уже было сказано, испещрены моисеевыми заповедями. Это Левит, а не римское право, является творцом и вдохновителем законодательства, по крайней мере, в протестантских странах. -----

Карлейль говорит, что прогресс -- это "живое движение". Это правда; но это так только при условии, что никакая мертвая сила, никакой труп не будет препятствовать свободе этого "живого движения". Ныне церковь, со своим бескомпромиссным консерватизмом и бездуховностью, -- это не больше, чем мертвое тело. Поэтому она препятствовала и будет мешать истинному прогрессу. На самом деле, пока церковь -- заклятый враг этики Христа -- была у власти, вряд ли был возможен вообще какой-нибудь прогресс. И только после Французской революции началось благоприятное развитие действительной культуры и цивилизации.

Те дамы, которые требуют день за днем и ночь за ночью с таким искренним и страстным красноречием на собраниях Лиги защиты женского избирательного права своей законной доли прав, как матерей, жен и граждан, и все же участвуют в воскресных "божественных" службах, -- в лучшем случае совершают бесполезную работу по бурению отверстия сквозь толщу морской воды. То, что они должны заниматься этим, вызвано вовсе не законами этой страны, но законами церкви и, главным образом, их самих. Это карма женщин нашей эпохи. Она была порождена Марией Магдалиной, получила свое практическое выражение в руках матери Константина, и обнаруживает вечно обновляющуюся силу в каждой королеве и императрице "по милости Божьей". Иудейское христианство обязано своей жизнью женщине -- *une sublime hallucinee* [возвышенной мечтательнице], как называет ее Ренан. Современный протестантизм и римский католицизм опять-таки обязаны своим незаконным существованием находящимся под властью священника и ходящим в церковь женщинам; матерям, которые учат своего сына его первому библейскому уроку; жене или сестре, которые заставляют своего мужа или брата сопровождать себя в церковь и капеллу; эмоциональной и истеричной старой деве, поклоннице любого популярного проповедника. И все же предшественники последнего в течение пятнадцати веков позорили женщин с каждой церковной кафедры!

В октябрьском номере "Люцифера" за 1889 год, в статье "Женщины Цейлона" мы могли прочитать мнение Дональдсона, ректора университета св. Андрея, о той деградации, которую претерпели женщины благодаря христианской церкви. Вот что он откровенно говорит в "Contemporary Review":

Преобладает такое мнение, что женщины достигли своего нынешнего высокого положения благодаря христианской церкви. Я обычно верил этому мнению. Но я не могу увидеть, каким образом христианство оказало в первые три столетия какое-либо благоприятное влияние на положение женщин, но напротив, я вижу, что имело склонность принижать их качества и ограничивать пределы их деятельности.

Сколь же справедливо тогда замечание Хелен Х. Гарденер о том, что в Новом Завете "слова "сестра", "мать", "дочь" и "жена" являются всего лишь именами позора и бесчестья"! -----

То, что все вышеизложенное является фактом, можно увидеть из различных сочинений, и даже из некоторых еженедельных изданий. В разделе "Смесь" журнала "Агностик", в его последней рубрике "Наобум" приводятся красноречивые доказательства того же самого, предлагая десятки цитат. Вот некоторые из них:

Миссис Мэри А. Ливермор говорит: "Ранние отцы церкви осуждали женщин как вредных животных, обязательно злобных и представляющих опасность для дома".

Леки говорит: "Неистовые ругательства, направленные против слабого пола, составляют значительную и весьма гротескную часть сочинений святых отцов".

Миссис Стэнтон полагает, что святые книги и священнослужители учат тому, что "женщина является создателем греха, который [в тайном сговоре с дьяволом] вызвал падение человека".

Гембл утверждает, что в четвертом веке священнослужители весьма серьезно обсуждали этот вопрос: "Следует ли называть женщину человеческим существом?"

Но пускай христианские отцы говорят сами за себя. Тертуллиан обращается к женщинам в следующей, весьма лестной, манере: "Вы врата дьявола, вы открыватели запретного древа, первые нарушители божественного закона. Вы совратили того, на кого не осмеливался напасть сам дьявол. Вы разрушили образ Божий -- человека".

Клемент Александрийский говорит: "Становится стыдно при размышлении о том, какова природа женщины".

Григорий Чудотворец говорит: "Один человек из тысячи может быть чистым; женщина -- никогда".

"Женщина -- это орган дьявола", -- св. Бернард.

"Ее голос -- это шипение змеи", -- св. Антоний.

"Женщина -- это инструмент, который дьявол использует, чтобы завладеть нашими душами", -- св. Киприан.

"Женщина -- это скорпион", -- св. Бонавентура.

"Врата дьявола, путь порока", -- св. Иероним.

"Женщина -- это дочь лжи, страж ада, враг мира", -- св. Иоанн Дамасский.

"Из всех диких зверей самое опасное -- это женщина", -- св. Иоанн Хризостом.

"Женщина обладает ядом кобры и злобой дракона", -- св. Григорий Великий.

Разве это удивительно, при таких наставлениях отцов христианской церкви, что ее дети не должны "смотреть на женщин как на равных, и считать их равными мужчинам"?

И вместе с тем, это эмоциональные женщины, даже в нашу эпоху прогресса, остаются, как и всегда, главными помощниками церкви! Более того, они являются единственной причиной того, если верить библейской аллегории, что вообще есть какое-либо христианство и церкви. Подумайте только, где они были бы, если бы наша мать Ева не отнеслась со вниманием к словам Змея-искусителя. Прежде всего, тогда не было бы греха. Во-вторых, если бы Дьявол не оказывал противодействия, не было бы необходимости вообще в каком-либо Воскресении, и никакая женщина не имела бы "потомства", чтобы оно могло "попирать своими ногами голову змея"; и, таким образом, не было бы ни церкви,

ни Сатаны. Ибо, по словам нашего старого друга кардинала Вентуры де Раулика, Змей-Сатана -- "это одна из фундаментальных догм церкви, и она служит основой для христианства". Уберите эту основу, и все ее усилия погрузятся в темные воды забвения.

Таким образом, мы обвиняем церковь в неблагодарности по отношению к женщине, которая стала добровольной мученицей; ибо если для наделения ее избирательными правами и свободой было необходимо более чем среднее мужество сто лет назад, то сегодня для этого требуется совсем немного -- всего лишь твердая решимость. На самом деле, если древние и современные писатели могли быть уверены в действительной культуре, свободе и чувстве собственного достоинства, то женщина нашего века ставит себя намного ниже древней арийской матери, египтянки, -- о которой Уилкинсон и Бакли говорят, что она имела величайшее влияние и социальную, религиозную и политическую свободу среди своих сограждан, -- и даже римской матроны. Покойный Пери Чанд Митра показал, с "Законами Ману" в руках, до какого превосходства и почета были возвышены женщины древней Арьяварты. Автор книги "Женщина древнего Египта" рассказывает нам, что "с самых древних времен, о которых мы можем что-либо узнать, женщины Египта были наделены свободой и независимостью, о которых современные народы только начинают мечтать". Приведем еще раз цитаты из рубрики "Наобум":

Сэр Генри Мэйн говорит: "Никакое общество, которое сохранило какую-либо примесь христианских установлений, никогда, вероятно, не сможет восстановить ту личную свободу замужней женщины, которая была дарована им римским правом".

За дело "женских прав" боролись в Греции за пять столетий до Христа.

Хелен Х. Гарденер говорит: "Если языческий закон признавал ее [жену] равной своему мужу, то церковь отказалась от этого закона".

Леки говорит: "В легендах древнего Рима мы имеем достаточные свидетельства высшего морального уважения к женщинам и их выдающегося положения в римской жизни. Трагедии о Лукреции и Виргинии показывают такую изысканную благочестивость и такое чувство высшего превосходства незапятнанной чистоты, которые не смог превзойти ни один христианский народ".

Сэр Генри Мэйн говорит в своих "Древних законах", что "неравенство и угнетение в отношении женщин исчезли из языческого законодательства", и добавляет: "в результате положение римской женщины стало отличаться высокой личной и хозяйственной независимостью; но христианство с самого начала имело склонность к ограничению этой замечательной свободы". Далее он говорит, что "юристы того времени боролись за лучшие законы для жен, но во многих случаях побеждала церковь и устанавливала наиболее угнетающие и подавляющие законы".

Профессор Дрэпер, в своей книге "Интеллектуальное развитие Европы", приводит такие факты возмутительного обращения с женщинами со стороны христианских мужчин (включая и представителей духовенства), что повторять их было бы с моей стороны в высшей степени нескромно.

Монкур Д. Конвей говорит: "В истории нет более жестокой главы, чем та, которая свидетельствует о приостановке христианством естественного развития европейской цивилизации в том, что имеет отношение к женщинам".

Церковный историк Неандр говорит: "Христианство ослабляет влияние женщины".

Таким образом, в достаточной мере доказано, что христианство (или, скорее, "приверженность к церковным обрядам") принесло женщине вместо "возвышенного" положения -- положение унижительное. Не считая этого, женщине не за что благодарить его.

А теперь -- один добрый совет ко всем членам Лиги и других обществ, занимающихся правами женщин. В нашу эпоху культуры и прогресса все это показывает, что только в единстве заключена сила, и что тиранов можно свергнуть только их собственным оружием; и что, наконец, мы находим, что нет ничего лучшего, чем "забастовка" -- пусть все борцы за права женщин забастуют и дадут себе обет, что их нога не ступит в церковь или капеллу до тех пор, пока их права не будут восстановлены и их равенство с мужчинами не будет признано законом. Мы предвидим, что не пройдет и шести месяцев, как каждый епископ будет работать в парламенте столь же ревностно, как и на своем месте, чтобы выдвинуть законопроект о преобразовании и чтобы он был принят. Тогда закон Моисея и Талмуда будет разрушен во славу -- ЖЕНЩИНЫ. -----

Но что такое на самом деле культура и цивилизация? Идея Диккенса о том, что наши сердца столь же облагодетельствованы щебеночным покрытием, как и наши ботинки, -- оригинальна скорее с литературной, чем с афористической точки зрения. Это неправильно в принципе, и это опровергается в природе самим фактом, что в грязных деревнях есть много больше добросердечных и благородных мужчин и женщин, чем в Париже или Лондоне, чьи улицы покрыты щебнем. Истинная культура духовна. Она исходит изнутри наружу, и если человек не является благородным по своей природе и не стремится к духовному прогрессу прежде, чем он начнет осуществлять его на материальном или внешнем плане, -- такая культура и цивилизация будут не больше, чем побеленные гробницы, наполненные костями мертвецов и разлагающимися останками. И какая же духовная или интеллектуальная культура может быть, если догматические вероисповедания являются государственными религиями и навязываются под страхом позора огромным сообществам "верующих". Никакая догматическая секта не может быть прогрессивной. Если догма не является выражением универсального и доказанного факта в природе, то это не более чем ментальное или интеллектуальное рабство. Тот, кто признает догмы, несомненно в конце концов сам станет догматиком. И, как хорошо сказал Уотс: "Догматический дух побуждает человека к осуждению своих ближних... Он становится склонным презирать своих корреспондентов, как людей с более низким и темным уровнем понимания, потому что они не верят в то, во что верит он". -----

Все вышеизложенное ежедневно находит свое подтверждение в фанатичных церковниках, священниках и раввинах. Говоря о последних и о Талмуде в связи с прогрессом и культурой, мы отмечаем несколько необычных статей в "Les Archives Israelites", ведущем издании французских евреев в Париже. В них неминуемый упадок любого прогресса, вызванного фанатизмом, становится столь очевидным, что после прочтения некоторых статей, подписанных такими знаменитыми людьми культуры, как Ф. Кремье ("Clericalisme et Judaisme"), А. Франк, член Научного общества ("Les Juifs et l'Humanite"), и особенно статьи Илии Аристиды Аструка, "Grand rabbin de Bayonne, grand rabbin honoraire de la Belgique", и т.д. ("Pourquoi nous restons Juifs"), -- никто не сможет обнаружить ни малейшего следа прогресса в нашем веке, или сохранить даже самую слабую надежду стать свидетелем того, что христиане предпочитают называть нравственным возрождением евреев. Эта статья (не говоря уж об остальных), написанная человеком с исключительно высокой репутацией в области учености и таланта, несет в себе свидетельства того, что такое интеллектуальная культура минус духовность. Статья

адресована французским евреям, которые считаются наиболее прогрессивными представителями своего народа, и наполнена горячими и страстными апологиями талмудического иудаизма, всецело пропитанными исключительным религиозным самомнением. Ничто не может приблизиться к такому самовосхвалению. Она препятствует любому нравственному прогрессу и духовному обновлению в иудаизме; она открыто призывает этот народ развивать более чем когда-либо бескомпромиссную исключительность, и пробуждает темнейшую и наиболее нетерпимую форму невежественного фанатизма. Если таковы взгляды лидеров евреев, обосновавшихся во Франции, в очаге цивилизации и прогресса, какая же надежда остается для их единоверцев в других странах? -----

Любопытна статья "Почему мы остаемся евреями". В ней А. Аструк, ученый автор, торжественно уведомляет читателей, что евреи должны *volens volens* [волей неволей] оставаться евреями, так как никакая из существующих религий не могла бы "соответствовать гению этого народа". "Если мы намерены отпасть от иудаизма", -- убеждает он, -- "где та другая вера, которая смогла бы руководить нашими жизнями?" Он говорит о той звезде, которая однажды встала на Востоке и привела магов в Вифлеем, но спрашивает: "Может ли Восток, некогда колыбель религий, дать нам сегодня истинную веру? Никогда!" Затем он переходит к анализу ислама и буддизма. Первый он считает слишком сухим по своей догматике и чересчур ритуалистическим по форме, и показывает, что он никогда не мог бы удовлетворить еврейский разум. Буддизм, с его устремленностью к нирване, рассматриваемой как величайшая реализация блаженства и "в высшей степени непонятым сознанием небытия", (?) кажется ему слишком негативным и пассивным.

Мы не будем останавливаться для того, чтобы обсуждать эту новую фазу метафизики, то есть, феномен небытия, наделенного самосознанием. Лучше посмотрим на анализ автором двух форм христианства -- римского католицизма и протестантизма. Первый, вместе со своим учением о Троице и догмами о Божественном воплощении и воскресении, непонятен "свободному разуму еврея"; последний слишком разобщен в своих бесчисленных сектах, чтобы стать когда-либо религией будущего. Он говорит, что ни одна из этих двух вер "не могла бы удовлетворить еврея"; таким образом, этот раввин умоляет своих единоверцев оставаться верующими в иудаизм, или закон Моисея, так как эта вера является лучшей и наиболее спасительной из всех; короче говоря, она есть, по его выражению, "наивысшее выражение религиозной мысли человека".

Эта сверх-фанатичная статья привлекла внимание некоторых "христианских" газет. Одна из них резко критикует автора за то, что он боится догматов только лишь потому, что разум неспособен понять их, как если бы "любая религиозная вера всегда должна строиться на разуме"! Это хорошо сказано, и это указывало бы на по-настоящему прогрессивную мысль, появившуюся в уме данного критика, если бы его истолкование веры в догмы не было бы их *bona fide* [явной] защитой, которая слишком далека от того, чтобы быть отражением философского прогресса. Далее, мы рады сообщить, что русский рецензент защищает буддизм от нападков раввина.

Насколько мы поняли, наш почтенный друг совершенно не прав в своей недооценке буддизма, или в том, что он считает его бесконечно более низким, чем иудаизм. Буддизм, с его духовным устремлением ввысь и аскетическими наклонностями, вне всякого сомнения,-- при всех своих недостатках,-- духовнее и человечнее, чем когда-либо был иудаизм; особенно современный иудаизм, с его недружелюбной исключительностью, темным и деспотичным кагалом, его мертвящим талмудическим ритуализмом, который

является еврейской заменой для религии, и его определенной ненавистью ко всякому прогрессу. ("Новое время").

Это правильно. Это, во всяком случае, показывает зарождение духовной культуры в журнализме страны, которая до сих пор считается полу-цивилизированной, в то время как пресса полностью цивилизованных народов, как правило, дышит религиозной нетерпимостью и предубеждением, если не ненавистью, всякий раз, когда заходит разговор об языческой философии. -----

И что же, в конце концов, значит наша цивилизация перед лицом грандиозных цивилизаций прошлого, ныне достаточно удаленного и забытого, чтобы дать повод нашим современникам для самоудовлетворения весьма комфортной идеей о том, что вообще никогда не было никакой настоящей цивилизации до появления христианства? Европейцы называют азиатские нации "низшими", потому что среди всего прочего они едят руками и не используют носовые платки. Но как давно мы сами, христиане, перестали есть своими пальцами и начали сморкаться в батистовые платки? С самого своего появления и до конца восемнадцатого века христиане либо оставались в неведении относительно вилки, либо презирали ее использование. И все же в Риме времен цезарей цивилизация была выше по своему развитию, и нам известно, что если на пирах Лукулла, знаменитых своей великолепной роскошью и пышностью, каждый гость брал свой сочный кусочек, погружая свои пальцы в блюдо с редкостными яствами, то гости французских королей делали то же самое до самого последнего века. Почти 2000 лет прошли между Лукуллом и языческими цезарями с одной стороны, и последними Бурбонами с другой, и все же преобладали те же самые личные привычки; мы обнаруживаем то же самое при блестящих дворах Франциска I, Генриха II, Людовика XIII и Людовика XIV. Французский историк Альфред Франклин приводит в своих интересных книгах "La Vie privée d'autrefois du XII au XVIII siècles", "Les Repas", и т. д., массу любопытной информации, в особенности об этикете и правилах приличия, существовавших в эти столетия. Тот, кто вместо того, чтобы с изяществом использовать три своих пальца, вылавливал кусок пищи из блюда при помощи всей своей руки, в такой же степени грешил против правил приличия того времени, как тот, кто засовывает нож себе в рот при еде, в наши дни. Наши предки имели очень твердые правила относительно чистоплотности: например, три пальца были de rigueur [обязательными], и их нельзя было ни облизывать, ни вытирать о жакет, но следовало очищать и вытирать после каждого блюда "о скатерть". Шестой том сочинений этого автора знакомит читателя со всеми деталями различных обычаев. Современная привычка мыть руки перед обедом, -- которая, по правде говоря, существует ныне лишь в Англии, -- была строго de rigueur не только при дворе французских королей, но являлась общим правилом и должна была повторяться перед каждым новым блюдом. Эту службу исполняли при дворах гофмейстеры и пажы, которые держали в своей левой руке золотой или серебряный таз и лили своей правой рукой из кувшина (сделанного из такого же материала) ароматную теплую воду на руки обедающих. Но так было в царствование Генриха III и IV. Два века позже, перед лицом прогресса и цивилизации, этот обычай исчезает, и его сохраняют только при дворах представители высшей аристократии. В XVI веке он начинает выходить из употребления, и даже Людовик XIV ограничивал свое омовение использованием мокрой салфетки. В среде bourgeoisie [буржуазии] он совершенно исчез, и Наполеон I мыл свои руки лишь один раз перед обедом. Сегодня ни одна страна кроме Англии не сохранила этот обычай. -----

Насколько же чище примитивные народы, например, индусы, и особенно брахманы, при еде, чем мы. Они не пользуются вилками, но они моются целиком и полностью заменяют свою одежду перед тем, как садятся за обед, в течение которого они постоянно моют руки. Никакой брахман не стал бы есть обеими руками или использовать во время еды свои

пальцы для какой-либо другой цели. Но европейцам восемнадцатого века необходимо было напоминать, как мы видим это в различных сочинениях по этикету, о таком простом правиле: "Считается неподобающим, и даже непристойным, дотрагиваться до носа, особенно когда он полон нюхательного табака, во время обеда" (loc. cit.). И все же брахманы -- это "язычники", а наши предки -- христиане.

В Китае местные вилки (палочки для еды) применялись за тысячу лет до нашей эры так же, как и сегодня. А когда же вилки были приняты в Европе? Вот что сообщает нам Франклин:

Даже в начале нашего века жареное мясо еще ели пальцами. Монтень отмечает в своих "Опытах", что он не раз кусал себя за пальцы, как обычно, торопясь во время еды. Вилка была известна во времена Генриха III, но редко применялась до конца прошлого столетия. В приданом жены Карла Красивого (1324) и Клеменсы Венгерской было лишь по одной вилке; у герцогини Турской их было две, а Чарльз V (1380) и Чарльз VI (1418) имели среди своих столовых приборов лишь три золотые вилки -- для фруктов. У Шарлотты д'Албрей (1514) их также было три, но, однако, они никогда не использовались.

Немцы и итальянцы стали использовать вилки для еды на сто лет раньше, чем французы. Англичанин Корнет был весьма удивлен, когда он во время своего путешествия по Италии в 1609 году увидел "странного вида, неуклюжие и опасные орудия, называемые вилками" и используемые местными жителями во время еды. В 1651 году мы обнаруживаем, что Анна Австрийская отказывается использовать это "орудие" и ест вместе со своим сыном (Людовиком XIV) пальцами. Вилки получили широкое применение только в начале нашего века. -----

Но тогда куда же должны мы обратиться за подтверждением этого лживого утверждения, что мы обязаны нашей цивилизацией, нашей культурой, нашими искусствами, науками и всем остальным, возвышающему и благотворному воздействию христианства? Мы не обязаны ему ничем -- вообще ничем, ни материально, ни морально. Прогресс, которого мы достигли до сих пор, имеет отношение в каждом случае к чисто физическим приспособлениям, к предметам и вещам, но не ко внутреннему человеку. Мы обладаем сегодня всяческими удобствами и комфортом жизни, которые потворствуют во всем нашим чувствам и тщеславию, но мы не находим в христианстве ни одного атома нравственного усовершенствования с самого начала установления религии Христа. Так же как ряса не делает из человека монаха, так и отказ от старых богов не делает людей сколько-либо лучшими, чем они были до того, и, быть может, только хуже. В любом случае, оно создало новый вид лицемерия -- ханжество; и цивилизация вовсе не распространилась так широко, как об этом заявляют. Лондон цивилизован, но на самом деле -- только в Вест-Энде. Что же касается Ист-Энда, с его нищим населением и с безлюдными пустынями Уайтчепела, Лаймхауза, Степни и т.д., то они в такой же степени некультурные и варварские, какой была Европа в ранние века нашей эры, и, кроме того, его обитатели знакомы с такими видами жестокости и грубости, которые не были известны людям первых веков, и которые никогда и не снились самым худшим дикарям или современным языческим народам. И в то же время это наблюдается в каждой из столиц христианских государств, в каждом городе; снаружи глянец и лоск, внутри грубость и низость -- поистине, это плод Мертвого моря!

Простая истина заключается в том, что слово "цивилизация" -- это очень широкий и неопределенный термин. Подобно добру и злу, красоте и уродству, и т.д., цивилизация и варварство -- понятия весьма относительные. Ибо то, что для китайца, индийца или перса выглядело бы верхом культуры, рассматривалось бы европейцем как вопиющий

недостаток хороших манер и ужасное нарушение общественного этикета. В Индии путешественник испытывает чувство отвращения, когда он видит, как местные жители пользуются пальцами вместо носового платка. В Китае император испытывает сильную тошноту, принимая европейца, который тщательно прячет в свой карман продукт выделения своих слизистых желез. В Бомбее пуританская английская женщина смотрит, покраснев от стыда, на узкие обнаженные талии, голые колени и ноги местной женщины. Приведите брахманку в современный танцевальный зал -- скажем, "Queen's Drawing-room" -- и посмотрите на тот эффект, который на нее это произведет. За несколько тысяч лет до нашей эры амазонки танцевали Кружащийся Танец вокруг "Великой Матери" во время мистерий; дочери Шилох, обнаженные по пояс, и пророки Ваала, лишенные своих одежд, подобным образом кружились и прыгали на сабейских праздниках. Все это просто символизировало движение планет вокруг солнца, но сегодня это подвергнуто позору как фаллический танец. Но как же в таком случае будут расценивать будущие поколения наши современные танцы в танцевальных залах и излюбленный вальс? В чем состоит разница между древними жрицами бога Пана, или вакханками, со всеми остальными священными танцорами, и современными жрицами Терпсихоры? И в самом деле, мы видим ее весьма незначительной. Последние, практически полностью обнаженные по пояс, танцуют сходным образом свои "кружащиеся танцы", совершая круги по залу для танцев; единственная разница между ними состоит в том, что первые исполняли свой танец отдельно от представителей противоположного пола, в то время как танцующие вальс женщины по очереди сжимаются в объятиях незнакомых мужчин, которые не являются ни их мужьями, ни их братьями.

Сколь же непостижимы твои таинства, О сфинкс прогресса, называемый современной цивилизацией!

"Люцифер", август 1890 г.

* "Взгляд на состояние Европы в течение средних веков" Г. Г. Хэллэма, члена Королевского Академического Общества, стр. 614. Автор добавляет: "Это занятие было свойственно не только для венецианцев. В Англии было весьма обычным явлением поставлять рабов в Ирландию даже после завоевания Англии норманами; лишь в царствование Генриха II ирландцы пришли к соглашению о прекращении ввоза рабов, которое положило конец этой практике". И далее, в примечании: "Уильям Мальмсберийский обвиняет англо-саксонских дворян в том, что они продают своих служанок, даже когда они беременны от них, в рабство иностранцам". Это христианский образ действий, в полном смысле слова, подобный тому, как Авраам поступил с Агарью!
